

БЫТ РЯЗАНСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Усадьба и ее обитатели. — Семья и брак. — Воспитание и образование. — Благочестие. — Будни и праздники. — Общественное служение и благотворительность.

С тановление купеческого сословия как особой группы городского населения с юридически закрепленным социальным статусом, четко определенной экономической ролью и заметным влиянием в культурном процессе русской провинции приходится на рубеж XVIII–XIX вв.¹. К этому же времени следует отнести и формирование его особой бытовой культуры.

В середине XIX в. в общей массе населения губернии купечество составляло чуть более 1%. Немного выше была доля купечества и среди городского населения. Подавляющее большинство представителей этого сословия состояло в 3-й гильдии, купцов 1–2-й гильдий было немного, от 1 до 5%². В результате реформы 1863 г. 3-я гильдия была упразднена, после чего большая часть купечества объявила капиталы по 2-й гильдии. Наиболее сильным и многочисленным было купечество Касимова, Рязани³, Егорьевска, Скопина, Зарайска, Раненбурга и Рязьска³.

Состав купечества был достаточно мобильным, постоянно обновляясь за счет выходцев из других социальных слоев, при этом основу сословия составляли династии, восходившие к XVII–XVIII вв. Традиционной средой, из которой рекрутировалось купечество на протяжении всего времени существования сословия, было мещанство. В отдельные периоды заметно увеличивался приток выходцев из крестьян. Некоторые из них смогли добиться значительного успеха на коммерческом поприще и составили элиту касимовского купеческого общества. Из крестьян происходили Большевы, Гусевы, Третьяковы, Барковы, Кривенковы и другие, менее значительные фамилии.

Торговый дом «Братья В. и М. Кузнецовы», основанный крестьянами с. Тума, где и располагалась его главная контора, вел универсальную торговлю мануфактурным, москательным⁴, скобяным и другими видами товара. Пассажирскими и грузовыми перевозками по Оке занималось пароходство А.В. Качкова, происходившего из крестьян с. Ерахтур. В последней трети XIX в. А.В. Качков входил в число крупнейших представителей касимовской предпринимательской элиты, но при этом не объявлял капитала и числился в крестьянском звании.

В конце XIX — начале XX в. потомственные купцы (как минимум во втором поколении) возглавляли более чем половину купеческих семей; во главе остальных стояли недавние мещане, крестьяне и ремесленники⁴. В этот период предпринимательская деятельность перестала быть сословной привилегией, и большое число горожан и крестьян занялись торговлей, при этом не записываясь в купеческие гильдии.

С конца XVIII в. купечество, несмотря на свою относительную немногочисленность, играло важную роль не только в экономической жизни Рязанского края, но и в развитии городской культуры и быта. Особенно это характерно для уездных центров, где дворянство было крайне немногочисленным, и верхушка купечества, в силу сложившейся ситуации, занимала место аристократии, являясь законодателем мод, вкуса и образа жизни.

* В основу работы положены, главным образом, материалы о купечестве г. Касимова и г. Рязани, которое в XIX в. было наиболее многочисленным и влиятельным.

** Москательный товар — красильные и аптечные припасы, употребляемые в ремеслах, фабричных и промышленных производствах.

УСАДЬБА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ. Уже в конце XVIII в. важное место в новом облике русских городов заняли богатые купеческие особняки. Чаще всего они располагались на самых респектабельных местах: на центральных улицах и в районах, примыкавших к городским торговым центрам. В конце XVIII — первой половине XIX в. купеческая застройка имела хорошо выраженный усадебный характер, примером чего могут служить сохранившиеся усадебные комплексы Касимова и частично сохранившиеся до настоящего времени купеческие усадьбы Рязани.

Исследование купеческой застройки позволяет выделить два типа купеческих усадеб: *усадебный промышленный комплекс* и *рекреационная усадьба*. Промышленные усадьбы в большей степени были характерны для уездного Касимова, где сформировался целый ряд подобных владений, принадлежавших кожевенным заводчикам Вереиным, Сорокиным, Умновым, Шемякиным. В Рязани, где преобладали крупные торговые и откупные капиталы, промышленные усадьбы практически не встречаются.

Вместе с тем в Рязани существовали многофункциональные купеческие усадебные комплексы, игравшие важную роль в инфраструктуре делового и коммерческого центра города. Примером могут служить дом и усадьба купцов Касцовых вблизи рязанского гостинного двора, возникновение которых относится к самому началу XIX в.

Первый этаж главного дома усадьбы полностью предназначался для торговых нужд: здесь располагались восемь лавок, которые сдавались в аренду. Второй этаж служил хозяйскими апартаментами, и частично также использовался для коммерческих нужд: комнаты сдавались под трактиры и харчевни. Во дворе дома размещались складские помещения, «калашная» и «крупяная» избы, цирюльня; в отдельно стоящем большом деревянном доме — гостиница. В 1815–1825 гг. часть второго этажа этого дома с двумя театральными залами арендовал рязанский театр⁵.

Возникновение в городах губернии купеческих усадеб рекреационного типа, характерных для состоятельных откупщиков и крупных торговцев, было обусловлено сближением быта богатейшего купечества и дворянства. Такие владения приспособлялись для отдыха и свободного времяпрепровождения. В Рязани это усадьбы П.А. Мальшина, Рюминых. В Касимове рекреационные усадьбы, располагавшиеся в центральной части города, принадлежали откупщикам Алянчиковым и Якунчиковым, железоторговцам Барковым. Подобные владения могли раскинуться почти на целый городской квартал, как усадьба Барковых или усадьба П.А. Мальшина в Рязани. Большую часть территории такой усадьбы обычно занимали обширные сады⁶.

Встречались и загородные купеческие усадьбы, и если в первой половине XIX в. это было почти исключительным явлением, характерным для купеческой верхушки, ориентированной на переход в дворянство (рязанцы Рюмины, Мальшины), то в пореформенный период и в конце столетия наличие загородных владений стало обычным явлением в купеческой среде. Загородные имения могли использоваться в чисто хозяйственных целях или же сочетать функции хозяйственные и рекреационные, как усадьба Рюминых под Рязанью («Рюмина Подроща»), где находился небольшой полотняный завод; дача Рождественских с усадьбой и конным заводом в пригородном Соколове; имение Крюковых с водяной мельницей в Нашатыркине⁷.

В конце XIX в. обзаведение загородными дачными участками становится особенно модным и распространенным среди состоятельных городских жителей. Купеческие дачи располагались на городских окраинах, в селах и деревнях, находящихся в нескольких верстах от города. Так, семье рязанских купцов Антоновых принадлежали земли в Рязанском у. и дача с садом в Рыбацкой (Выползовой) Слободе на окраине Рязани⁸. Большая часть купеческих дач располагалась по Московско-Казанской и Рязанско-Владимирской железным дорогам⁹.

Купеческий дом одновременно играл роль жилья и хозяйственного комплекса, поэтому при выборе проекта заказчики руководствовались в первую очередь практическими соображениями. Дорогостоящая недвижимость активно использовалась

Бывший дом купцов Алянчиковых. Касимов. Фото С.А. Иниковой 2003 г.

в качестве залогового гаранта при заключении крупных казенных контрактов, например питейных и подрядных. Дом выполнял и важную представительскую функцию, демонстрируя уровень социального положения владельца¹⁰. Однако даже представители купеческой верхушки редко имели более одного-двух домов, видимо избегая лишних расходов. И хотя в Рязани и Касимове в первой половине XIX в. встречались купцы, имевшие до 10 домов (Алянчиковы, Барковы, П.А. Мальшин, Г.В. Рюмин), это было исключением из общего правила.

В конце XVIII — начале XIX в. подавляющее большинство купеческих домов были деревянными и крытыми тесом. Средний купеческий дом насчитывал от трех до шести комнат. Во дворе располагались обычные для городской усадьбы амбары, погреба, сараи, бани, колодцы (в усадьбе касимовца Я.Г. Грибкова упомянут «колодесъ с двумя бадьями, колесом и конопным канатом, над ним шатер»). Дополняли комплекс лавки с амбарами и каменными погребами¹¹.

В первой половине XIX в. для дома все чаще стали использовать кирпич, а для кровли — железо. Каменные дома были более обширными и состояли из четырех-девяти жилых помещений. Появлялись и дорогостоящие двух- и даже трехэтажные купеческие особняки из 20–25 комнат, но они были наперечет¹². Во второй половине XIX в. число подобных построек значительно возросло. Однако, по мнению современника, и в середине XIX в. немногие купеческие дома Рязани «как наружною архитектурою, так и внутренним устройством удовлетворяли всем требованиям европейского комфорта»¹³.

При этом само понятие комфорта было индивидуальным и зависело от вкусов и запросов хозяина, причем материальные возможности часто не играли определяющей роли. Например, каменный двухэтажный дом с мезонином богатого касимовского купца П.Н. Шишкина, судя по описанию 1841 г., не отличался особой роскошью. На нижнем этаже его размещались кухня и жилые помещения для прислуги; на втором располагались девять жилых комнат, и еще три комнаты находились в мезонине. Внутренняя отделка дома была обычной: дощатые

Бывший дом купца С.В. Постникова. Сасово. Фото С.А. Иниковой 2003 г.

полы, не обшитые досками бревенчатые потолки, кафельные печи. Во дворе располагался деревянный четырехкомнатный жилой флигель. Хозяйственный двор со всеми службами был отгорожен от сада, где находились баня и летняя беседка¹⁴.

Во второй половине века, особенно ближе к его концу, дома богатых купцов не только Касимова и Рязани, но и других городов ничем не уступали домам провинциальной дворянской знати.

Дома купцов средней руки и менее состоятельных, которые жили и вели свое дело в крупных торговых селах разных уездов (Ухолово, Борец, Ижевское и др.), были, как правило, полутора- и двухэтажными: лавка внизу и жилые помещения наверху, хотя в начале XX в. и в селах иногда встречались большие каменные дома, а иногда и роскошные особняки. Например, купец-миллионер С.В. Постников в 1905 г. построил дом необычной округлой формы в родном селе Сасово (в те годы — Тамбовская губ.).

Купеческая верхушка старалась приобретать дорогие мебель и предметы домашнего обихода. Так, в доме касимовского купца 2-й гильдии Ф.С. Полежаева в самом начале 1800-х гг. наряду с простой мебелью были шкаф, стол и комод красного дерева, а также зеркала и стенные часы, бывшие в числе самых дорогих предметов интерьера. В доме было много фарфоровой, фаянсовой и хрустальной посуды, семейное серебро (посуда, подсвечники) общей стоимостью 258 руб. (для сравнения, земля под усадьбой — 3960 кв. саж. — оценивалась в 450 руб., а дом в 1000 руб.¹⁵).

Постепенно мебель общеевропейского типа: комоды, шкафы, «гардиropy» — становится обычной в купеческих домах. В гостиных появляются кресла, диваны, ломберные столы и даже фортепиано и бильярд¹⁶. Неотъемлемой частью купеческого «кабинета» становятся конторки. В то же время наряду с современными и модными конторками встречались и такие традиционные предметы, как «ларь для кладки денег».

Непрерывной частью интерьера каждого купеческого дома были многочисленные иконы, занимавшие передние углы едва ли не во всех комнатах. В описях имущества иконы,

ПОРТРЕТ РЯЗАНСКОЙ КУПЧИХИ. НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК, 1830–1840-Е ГГ. (РЯЗАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ)

представлявшие ценность и как предметы культа, и как дорогие вещи, перечислялись сразу после оценки «хоромного строения».

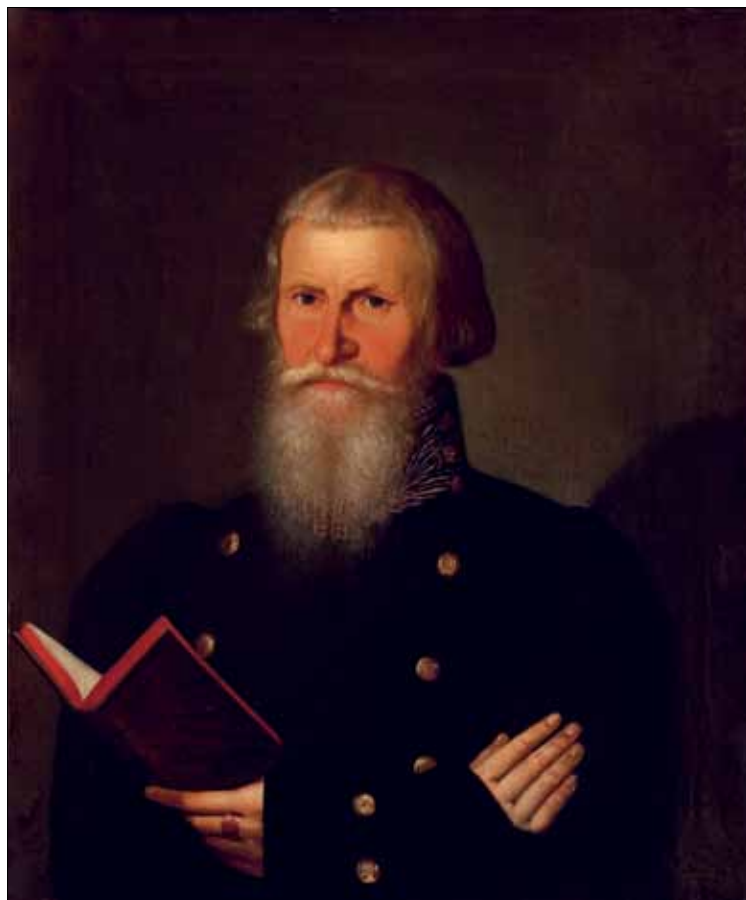
В конце XVIII — начале XIX в. в купеческих интерьерах появляются живописные портреты и лубочные картинки¹⁷: простонародные, религиозные, портреты царей и военачальников; постепенно они становятся обычным украшением городских домов. Стены дома Ф.С. Полежаева украшали 30 живописных и литографических картин. Среди прочих упомянуты «живописная Богоматерь на полотне», портрет царя Алексея Михайловича, четыре портрета членов императорской фамилии, портрет воронежского архиерея Тихона и другие «картины разных персон», а также четыре «каменных портрета», видимо мраморные бюсты, «в коих один Вольтеров, другой старика Павла» и два императорские¹⁸. Дом П.Н. Шишкина украшали 18 картин и портретов. В доме купца Н.А. Крашенинникова в «большой горнице» среди всего прочего было восемь

«исторических картин за стеклами в рамах, выкрашенных черной краскою и позлащенных», а дом Е.П. Коняшина украшали 23 «картины бумажных в рамках со стеклами» и четыре живописных полотна — портрет Петра Великого в золоченой раме, два портрета «Преосвященных» и «картина Ноя праведного». В доме купцов Барковых имелась коллекция живописи, в которой были представлены работы сына касимовского купца С.И. Грибкова, впоследствии известного художника¹⁹. Семья И.О. Алянчикова обладала целым собранием из 49 эстампов в богато украшенных рамах²⁰.

Своего рода правилом хорошего тона и данью моде с начала XIX в. становится украшение гостиной портретами членов семьи. Отчасти в этом можно усмотреть подражание дворянству и желание, окружив себя портретами достойных предков, подчеркнуть собственную значимость. Семейные портреты упомянуты среди живописных картин в домах П.Н. Шишкина, Алянчиковых, Барковых. Парадный портрет, видимо, имел достаточно широкое распространение среди верхушки купеческого сословия. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в музейных коллекциях Рязани и Зарайска парадные портреты членов купеческих семей.

Однажды обустроив свой дом, хозяева в течение длительного времени сохраняли привычный интерьер. Устойчивость купеческих вкусов была настолько сильна, что даже в начале XX в. в интерьерах особняков касимовских купцов царила атмосфера середины XIX столетия. Эту особенность отметила сотрудница Императорского исторического музея В.А. Дударева, посетившая в 1915 г. усадьбу купцов Слетовых в Касимове. Она так описывала внутреннее убранство дома: «В парадной передней стояла вешалка без гвоздей для перекаладывания, а не вешания салопов, а на стене висели деревянные золоченые бра в форме восьмиугольного щита и зеркало в стиле ампир с гладкой рамой, усеянной шестиугольными звездами... В зале

стояли по углам высокие деревянные резные торшеры, для привешивания канделябров... Большая гостиная имела зеленые обои и мебель красного дерева, обитую штофом „сольферинового цвета“ (яркий розово-малиновый. — Д.Ф., И.К.)... Малая гостиная была голубая, с зеленой штофной мебелью. В большой гостиной около дивана стояли на белых алебастровых тумбах фарфоровые вазы с видами Петербургской биржи и Александровской колонны; дальше букеты восковых цветов под стеклянными колпаками. Шитые бисером и гарусом картинки на стенах, подушки, бювары, разные коврики, горки со старинной посудой дополняли убранство. Во внутренних комнатах горбатые сундуки хранили наряды трех поколений. Один из балконов-эркеров закрывался ажурными дверями из красного дерева, подбитыми зеленой тафтой...» (илл. с. 639). Во дворе — амбары, погреба, конюшни и каретные сараи, в которых «еще можно было видеть целую коллекцию старинных экипажей»²¹.

ПОРТРЕТ РЯЗАНСКОГО КУПЦА. НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК, 1830–1840-Е ГГ. (РЯЗАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ)

Так же медленно, как интерьер усадьбы, на протяжении XIX в. менялся и облик ее обитателей. В первую очередь эти перемены затрагивали богатую верхушку, подражавшую «благородному сословию» и имевшую для этого возможности. В конце XVIII — начале XIX в. предпочтение в купеческой среде отдавалось традиционному русскому костюму. «Штаны грезетовые», рубахи, «стомедные» кушаки, кафтаны и камзолы, тулупы нагольные или крытые материей, упоминаемые в описях имущества, были обычной одеждой купцов. Наряд купчих в основном повторял традиционный костюм, но был выполнен из материи лучшего качества, чем у крестьянок. Как свидетельствует в своих воспоминаниях уроженец Касимовского у., профессор С.-Петербургской духовной академии Д.И. Ростиславов, в 1810-х гг. «из купчих еще немногие... стали одеваться по-модному: в чепцы и шляпки, платья, салоны * и прочее; большинство ходило в кокошниках, сарафанах, епанечках ** или повязывало голову платками... Кокошники унизаны были жемчугом, на епанечки употреблялась богатая парча, головные платки вышивались серебром и золотом»²². Это же подтверждает автор «Записки» о рязанском купечестве первой половины XIX в. рязанский купец А.В. Антонов: «...купчихи ходили в сарафанах, епанечках и панёвах ***; обыкновенною одеждою купцов были тулупы, чуйки **** и поддевки *****, на головах шапки и картузы весьма неуклюжей формы; молодые купчихи одевались в платья с клиньями, в капоты и салоны с длинными

* Салон — женская верхняя теплая одежда наподобие круглого плаща.

** Епанечка — короткая до талии, распашная на лямках, гладкая спереди, со сборками сзади и по бокам одежда.

*** Панёва — женская поясная одежда, надеваемая поверх рубахи.

**** Чуйка — мужская длинная, суконная верхняя, халатообразная одежда.

***** Поддевка — мужская безрукавная одежда, надеваемая для тепла под верхнюю одежду.

Касимовские купец и купчиха Вереины. Фото 2-й половины XIX в. (Касимовский краеведческий музей)

капюшонами. На именины, в гости и в летние гулянья в рощу являлись в кунавинских шалях и всегда на головах в платках, повязанных с рожками. Одежды девиц и юношей очень близко подходили к одежам их родителей»²³.

Однако уже в ту пору европейское платье встречалось в гардеробах состоятельных купцов. Среди имущества семьи Полежаевых в самом начале 1800-х гг. упоминаются мужской шелковый халат, а также «шелковое полосатое» дамское платье, «французская юбка», шелковые перчатки и чулки и «кунья муфта»²⁴. Но в целом в купеческой среде того времени мода еще не стала фактором, определяющим характер костюма. Это произошло только в середине XIX в., когда в городах губернии начали появляться первые модные магазины (по замечанию А.В. Антонова, в Рязани «магазинами дамских уборов и модными были наполнены Большая и Почтовая улицы»²⁵). Одежда общеевропейского типа все чаще встречается в перечне предметов купеческого туалета, но преобладала она опять же в гардеробе состоятельных купцов, чей быт в целом тяготел к европеизированному бытовому укладу дворянских домов.

Показателем состоятельности владельца и вместе с тем украшением мужского костюма в XIX в. становятся карманные часы. Они встречаются лишь у богатых купцов. В опись имущества Ф.С. Полежаева внесены трое серебряных часов общей стоимостью 25 руб., а его лавка оценена в 20 руб.²⁶ П.Н. Шишкину принадлежали двое часов стоимостью 450 руб. асигнациями, а его лавка в каменном корпусе гостиного двора стоила 500 руб.

Богатые купцы, подражая дворянам, стремились наполнить свой дом прислугой. Закон запрещал купцам покупать крепостных, но многие находили способы обеспечить себя домашней услугой. Касимовский купец И.О. Алянчиков заключал с местными дворянами контракты о приеме в свой дом «в научение и воспитание» крепостных крестьян.

За пять лет, оговоренных в контракте, крестьянки должны были обучиться «шить в пальцах золотом и шелками», прясть, ткать, стряпать и «прачечному искусству». Мужчин предполагалось обучить кучерскому делу, а также салотопенному и кожевенному мастерству на заводах, принадлежащих купцу. Так он обеспечивал бесплатной рабочей силой не только дом, но и производство. В 1818 г. в доме Алянчикова проживало более 20 человек прислуги²⁷. Наличие прислуги, из числа как крепостных, купленных в обход действовавших законов, так и вольных людей, в первой половине XIX в. отмечено во многих купеческих домах. Даже купеческие семьи средней руки иногда имели несколько человек дворовой прислуги из вольнонаемных горожан или крестьян окрестных деревень. Случалось, что из крестьянского мальчика, взятого богатым купцом в качестве слуги, со временем получался купец. В богатых домах обычно еще проживали бедные родственники, выполнявшие различные поручения по дому, в лавках и конторах.

Семья и брак. В XVIII — первой половине XIX в. купеческие семьи обычно были многочисленными, неразделенными, что диктовалось экономической необходимостью: семейные капиталы старались по возможности не дробить. В Касимове наиболее устойчивыми и экономически сильными купеческими фамилиями конца XVIII в. были именно такие крупные семейства: семья С.Г. Скорнякова насчитывала 18, семья Коняшиных — 22, семья Алянчиковых — 17 человек, но надо признать, таких больших семей было немного.

По данным ревизии 1782 г. средняя величина купеческой семьи составляла в Рязани — 6,8, а в Касимове — 5,9 человек²⁸. В середине XIX в. эта величина выросла соответственно до 7,2 и 7,8 человек. Однако размер купеческих семей был меньше, чем крестьянских, насчитывавших в среднем 8,5 человек²⁹.

а)

б)

Новый европеизированный облик купечества 1-й половины XIX в.: а) касимовская купчиха А.В. Шемякина. Фото конца XIX в. (Касимовский краеведческий музей); б) рязанский купец А.В. Батраков. Фото конца XIX в. (РИАМЗ. Фототека)

На протяжении второй половины XIX — начала XX в. наблюдалась устойчивая тенденция к снижению численности купеческой семьи. В Рязани к 1910-м гг. она снизилась до 5–6 человек. В этот период преобладали простые двухпоколенные семьи, составлявшие 63–66%. Величина купеческих семей в конце XIX — начале XX в. сокращается не только за счет их разделения, но и за счет уменьшения рождаемости. Преобладающими становятся средние по размеру семьи, что было закономерным в ходе эволюции от больших, сложных по составу многопоколенных семей к простым малым.

Хотя браки чаще заключались с людьми своего круга (купцами и мещанами), в Рязани, например, в XVIII–XIX вв. купцы брали себе в жены и крестьянок из пригородных слобод Рыбацкой и Архиерейской, а также девиц из духовного сословия. Изредка купеческими женами становились дворянки, дочери ямщиков, отпущенные на волю частновладельческие крестьянки и дворовые. Встречались браки купцов с дочерьми засечных сторожей и пахотных солдат. С представителями этих же сословий и категорий населения заключали браки купеческие дочери. Кроме того, их отдавали замуж за иногородних купцов — из Москвы, уездных городов Рязанской и соседних губерний³⁰.

В большинстве купеческих супружеских пар старшим по возрасту был мужчина. В среднем купцы были на 7–8 лет старше своих жен. Для повторных браков была характерна большая разница в возрасте — от 15 до 27 лет. В начале XX в. средний возраст невест был 22 года, средний возраст женихов — 29 лет³¹.

Отношения в купеческой семье строились на патриархальных началах — безусловным главой был отец семейства. Положение женщины во многом зависело от культурного уровня семьи, ее традиций и величины приданого, которое жена приносила мужу. Если приданое было солидным, женщина обладала некоторой долей экономической самостоятельности. Кроме того, в купеческих семьях существовала практика оформления на жену прав владения частью семейной недвижимости. Делалось это для страховки коммерческого риска.

Встречаются примеры деловых, самостоятельных купчих, имевших свое собственное дело и профессионально управлявших им с полным знанием предмета. Среди

Купеческое семейство Наставиных. Касимовский у. Фото начала XX в. (Касимовский краеведческий музей)

рязанских купчих конца XIX — начала XX в. собственную коммерцию вели А.И. Батракова, торговавшая бакалейными товарами после смерти своего мужа — А.В. Батракова, и Кс. Рюмина, державшая магазин игрушек. В Касимове рубежа XVIII–XIX вв. в число крупных предпринимателей входила купчиха Е.А. Вереина, в управлении которой были серно-купоросный и кожевенный заводы.

Ссоры из-за наследства в купеческой среде считались предосудительными. В своих духовных завещаниях купцы предостерегали наследников от «каких-либо распрей или просьб и самых тяжб в местах судебных» и «во избежание таковых предосудительностей по любви и усердию к детям своим» подробно расписывали, кому какая часть имущества и на каких условиях предназначена³².

Особо оговаривалось положение ранее отделенных детей. По воле завещателя они могли либо получить часть наследства, либо не быть допущены к его разделу. Так, купец Г.П. Шишкин в завещании, упоминая своего старшего сына, подчеркивал, что тот должен остаться «в полной мере довольным» имением и «награждением» в виде части капитала, выданными ему при отделении. Убытки во время «нашествия неприятельского от сожжения в Москве... юфтяного товара» были причиной, по которой купец не выделил сыну дополнительной доли. Дочери, выданные замуж с соответствующим приданым, также не включались в число наследников. Трое младших сыновей Шишкина получали каждый по дому, которые отец построил специально для них. В завещании указывалось, что младшие братья не должны претендовать на долю имущества, выделенную ранее старшему брату, а тот в свою очередь не должен «вступаться» в их часть³³.

В каждом купеческом завещании непременно был пункт, который обязывал детей содержать родителей до смерти и позаботиться об их достойном погребении: «до окончания жизни остаться жительством при оных трех сыновьях, которых обязаны меня и жену мою, а свою родную мать, покоить по долгу, относящемуся к родителям, а по смерти похоронить и помянуть по христианской должности как следует»³⁴.

Отношения между вдовой и взрослыми детьми, совместно вступавшими в наследство, регулировались особым раздельным актом. Так, в раздельном акте наследников касимовского купца А.П. Якунчикова оговаривалось, что матери из общего наследства причитается установленная законом четвертая часть движимого и седьмая часть недвижимого имущества (в данном случае это был большой городской дом с имуществом и частью товара). С согласия матери в полное распоряжение и управление сыновей переходили хрустальная фабрика и вся торговля. Вдова получала от детей содержание (в контракте Якунчиковых оговорено 4 тыс. руб. в год) и обязывалась «более от детей... ничего не истребовать»³⁵. Доли и партнерские отношения сыновей в капитале и производстве оговаривались особым контрактом, оригинал которого должен был храниться у матери, а сыновья получали на руки копии.

Чтобы не дробить капитал, официально главой семьи и семейного дела после смерти купца часто становилась вдова, а не старший сын. Она могла быть реальным распорядителем коммерческих предприятий, но нередко коммерцией занимались взрослые сыновья, вдова же принимала на себя лишь номинальную роль владельца семейного капитала.

После смерти главы семейства и раздела имущества даже жившие по отдельности совершенно самостоятельные братья и сестры признавали право старшего брата вмешиваться в дела, касавшиеся репутации и материального положения членов семейства. М.А. Яковлева в письме к тамбовскому купцу Г.А. Крашенинникову, сообщая о смерти их брата Николая, просила его, как старшего, вмешаться в решение вопроса о наследстве в семье умершего, поскольку овдовевшая сноха «вошла в слабость, пьянство и распутство» и разоряет дом³⁶.

Несмотря на предосудительность судебных тяжб между членами семьи, такие случаи бывали: чаще между братьями и очень редко между родителями и детьми — сказывался патриархальный уклад и традиционное почитание родителей, характерные для большинства купеческих семей.

В конце 1820-х гг. в семействе рязанцев Касцовых разразился скандал, связанный с правами на дорогостоящую недвижимость в Рязани. Купчиха М.М. Касцова, нуждаясь

в деньгах, продала два каменных дома своему зятю — коломенскому купцу А.С. Колесникову. По семейному уговору Колесников обязался вернуть дома Касцовой, как только соберет с них доход, равный уплаченной за них сумме. По свидетельствам очевидцев, А.С. Колесников заверил свою тещу «ужаснейшими клятвами», «произносимыми пред иконою Спасителя». Однако после смерти А.С. Колесникова дочь Касцовых — Анна — отказалась вернуть дома. Мать была согласна оставить недвижимое во владении дочери, лишь бы прекратить скандал, но на возвращении прав на дома настаивал отец — К.А. Касцов. В сохранившихся письмах Анны Колесниковой к сестрам и матери звучит мысль о греховности всей тяжбы, происходящей между родными людьми. Анна просит мать уговорить отца оставить хлопоты, принять от нее 10 тыс. руб. «мировых» и «пожить, как родные живут: в согласии и любви, без греха, в радости, и естли етова уже не сделаете, то Бог с вами, променяем душу на дома, и поведут грехи еще злея прежних, и дело пойдет штрафами большими, и будем тягаться до Христова пришествия».

Глава семейства был так обижен, что счел необходимым довести дело до суда, уповав на справедливое решение спора по воле Божьей и «господ присутствующих... Палаты гражданского суда». Он был уверен, что дочь за ее недостойное отношение к родителям ожидает «непростительное наказание»³⁷.

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ. На протяжении XIX в. отношение купечества к образованию претерпело значительную эволюцию. На рубеже XVIII–XIX вв. купеческие дети за редким исключением не получали сколько-нибудь систематического образования. Многие купцы не знали грамоты или в лучшем случае умели расписываться. При оформлении ведомостей заводоладельцев в 1836 г. из десяти рязанских купцов-заводчиков четверо оказались неграмотными³⁸.

Дети наряду со взрослыми участвовали в семейной коммерческой деятельности на вспомогательных ролях. Подростающие сыновья помогали родителям в лавках, поступали в «научение» или «в работу» к более состоятельным купцам и таким образом проходили своего рода начальную профессиональную школу. Контракт о приеме «в научение» или «в работу» чаще всего заключался на срок от года и более. Условия принятия в ученики или в работники были стандартны: в числе непременно оговариваемых условий были обеспечение одеждой и обувью, хозяйский или домашний стол. От этого напрямую зависел размер оплаты труда, а возможно, и его полное отсутствие, если хозяин принимал на себя все заботы по содержанию работника³⁹. Обязательным пунктом контракта было условие «не воровать, не пьянствовать и не делать распутных поведений». Невыполненная или недобросовестно выполненная работа предполагала штраф либо практику «зажива», когда работник был обязан бесплатно отработать определенное время сверх оговоренного срока («по записке дней заживать их втрое, паче чаяния от болезни, то заживать их по истечении года за равно»⁴⁰).

Результаты такого обучения во многом зависели от профессиональных и человеческих качеств того, кто обучал, и от желания и способностей самого ученика. Родоначальник купеческой фамилии Салазкиных — Сергей Леонтьевич, происходивший из бедной мещанской семьи и отданный в обучение к В.Д. Баркову «за хлеб», проявив способности и получив поддержку хозяина, открыл со временем свое железное и чугунолитейное производство⁴¹.

По мере взросления сыновья привлекались к ведению более сложных торговых и производственных операций. При этом от главы купеческого семейства им давалась доверенность с подробной инструкцией и правом подписи финансовых документов и контрактов. В случае долгих отъездов главы семьи из города управление делами, в частности таким непростым занятием, как питейный откуп, поручалось сыновьям (по старшинству). Например, в семье касимовского купца И.О. Алянчикова старшие сыновья отправлялись в Петербург с партиями продукции стекольного и салотопенного заводов, младшие выступали в роли помощников либо помогали с организацией отправки товара на месте.

В первой половине XIX в. серьезное образование еще не стало для купцов жизненной необходимостью. В учебных заведениях обучались главным образом дети верхушки купечества.

Когда в Рязани в 1786 г. открылось народное училище, купцы отдавали туда своих детей неохотно, «почти с принуждением», опасаясь, что «по окончании наук возьмут их на службу государственную против воли их»⁴². Но дети наиболее богатых и именитых купцов и тогда уже обучались в учебных заведениях. После того как в 1804 г. училище преобразовали в гимназию, среди первых гимназистов были и купеческие сыновья. В 1804/05 учебном году из 51 учащегося гимназии семь (14%) принадлежали к «торговому сословию». В целом, до 1860–1880-х гг. обучение в классических гимназиях было непопулярно в купеческой среде, и в середине века купеческие дети редко встречались в их стенах. К примеру, в 1846/47 г. в Рязанской гимназии обучалось девять сыновей купцов, что составляло всего 3% учащихся⁴³.

Скептическое отношение к системе государственного образования отчасти объяснялось недовольством купцов программами учебных заведений. На их взгляд, школа не давала необходимых для жизни знаний, не обучала «основательной коммерческой бухгалтерии»⁴⁴. Поэтому детей предпочитали обучать дома, приглашая домашних учителей, что можно рассматривать как традицию, заимствованную у дворянства. При этом купечество нередко довольствовалось непрофессиональными учителями. Все это дало повод рязанскому губернатору П.Д. Стремоухову очень нелицеприятно отзываться об образовательном уровне городского купечества еще и в 1860-х гг. В своем отчете за 1863 г. он отмечал, что в городах губернии, в том числе и в Рязани, «почти нет в купеческом сословии людей сколько-нибудь порядочного образования»⁴⁵.

Вместе с тем ситуация в уездах, видимо, была несколько иной: доля купеческих детей среди учащихся была заметно выше, поскольку в учебных заведениях обучались, как правило, дети городской верхушки, которую в уездных городах чаще составляло купечество. В начале 1800-х гг. в Касимове купеческие дети составляли от 25 до 30% воспитанников городских училищ⁴⁶. Профессор Московского университета А.А. Прокопович-Антонский, инспектировавший в 1805 г. учебные заведения Рязанской губ., отмечал, что дворяне и купцы в Касимове «охотно желают учить детей своих», а образовательный уровень некоторых семей достаточно высок: «Господа Алянчиковы могут быть в примере многим купцам в столицах», — писал инспектор⁴⁷. По свидетельству Д.И. Ростиславова, сыновья И.О. Алянчикова — Николай и Яков — были весьма начитанными и, кроме того, слыли главными местными либералами, «пропитанными идеями Вольтера и Жан-Жака Руссо». Начитавшись произведений французских просветителей, братья, пишет Ростиславов, «не умели справиться с мыслями» и «любили хвастаться своим вольнодумством и атеизмом». И хотя отец молодых «вольнодумцев», будучи человеком набожным, был недоволен мировоззрением детей, все его попытки повлиять на их взгляды были тщетны. По просьбе отца душеспасительные беседы с молодыми людьми вели приходские священники, но «усилия духовных особ не могли поколебать убеждений детей Алянчикова»⁴⁸.

Однако с середины XIX в. в высшем слое купечества обучение детей в гимназических заведениях получает все большее распространение. «Заботы о собственных семьях, — констатировал в 1907 г. С.Г. Кассиль, — составляют для этого сословия обычное явление. Дети получают хорошее среднее, а многие и высшее (в близкой столице) образование».

Обучение девочек в основном ограничивалось изучением домоводства и рукоделия. Отношение к женскому образованию изменилось только в последней трети XIX в. Купеческие дочери обучались во вновь открытых женских гимназиях, а отдельные представительницы сословия учились в высших учебных заведениях, в том числе и на Бестужевских курсах.

Показателем уровня образованности может служить наличие домашних библиотек. Если в конце XVIII в. в описях имущества касимовских купцов книги почти не встречались, за исключением нескольких экземпляров у О.С. Алянчикова (Четьи-Минеи и Псалтырь) и Ф.С. Полежаева (Книга вексельных уставов), то в XIX в. книги перестают быть редкостью в купеческих домах. В некоторых семьях имелись даже частные книжные собрания, различные по величине и содержанию. Так, среди прочего имущества семьи касимовцев Шишкиных в 1841 г. упоминаются 113 «разных книг». В 1874 г. касимовский купец С.Л. Салазкин передал в дар Касимовской

городской думе поступившую в его распоряжение библиотеку купца И.С. Гальянова. Это собрание в 3600 томов сформировалось к середине XIX в.⁴⁹ В круг читающей купеческой публики входили, прежде всего, наиболее состоятельные и просвещенные представители сословия, отличающиеся высокими интеллектуальными и эстетическими запросами. В первые годы работы Рязанской публичной библиотеки купцы составляли до 10% ее читателей⁵⁰.

В купеческой среде бытовали и традиционные рукописные сборники, состоявшие из списков понравившихся, показавшихся любопытными или забавными небольших литературных сочинений, анекдотов, поэтических произведений, поучительных рассказов на религиозную тему. Нередко в сборник полезного и приятного чтения превращалась деловая записная книжка купца. Примером такого сборника может служить записная книжка купца Г.Н. Панова. Наряду с финансовыми записями в нее вошли самые разнообразные по содержанию материалы: медицинские рецепты, полезные советы, тексты понравившихся стихов и песен, заметки о семейных и наиболее значительных событиях недавней городской истории, вроде городского пожара 1774 г. Сам факт наличия такого рода рукописных сборников служит любопытной характеристикой купеческой бытовой культуры и позволяет составить некоторое представление о сфере интересов купечества.

БЛАГОЧЕСТИЕ. Купечество в XVIII и в первой половине XIX в. выделялось среди других сословий высокой религиозностью. Начавшийся во второй половине XIX в. процесс секуляризации религиозного сознания привел к тому, что к концу столетия образованная часть рязанского купечества, по своему укладу более тяготевавшая к интеллигенции, особенно молодое поколение, отделилась от церкви, но это касалось лишь части представителей сословия. В целом же мировоззрение купечества было по своей сути религиозным, причем активное проявление религиозности связано, по нашему мнению, с особенностями самой купеческой деятельности.

Успех в коммерческих делах зависел не только от способностей человека, но и от целого ряда обстоятельств: рыночной конъюнктуры, действий властей, а порой и природных явлений. При религиозном мышлении и воспитании все это трактовалось как «провидение» или «Божья воля». Так, по мнению автора «Истории Василия Дмитриевича Баркова...», именно высшие силы предопределили его судьбу. Перед читателем В.Д. Барков предстает как человек глубоко религиозный — все, с ним происходящее, непременно связывается с участием в его судьбе благосклонного Провидения или Бога, который дал ему «силу и разумение подвизаться на сем... поприще»⁵¹. То же религиозное сознание заставляло купечество перед началом и по окончании важного дела посещать церковь, заказывать молебны: надо было вымолить удачу, заручиться помощью Господа и его святых (см. с. 264, 403).

Несчастья, войны, разорения обычно трактовались как кара Божья за грехи. В письмах купчих М.А. Яковлевой к брату, А.К. Колесниковой к матери и сестрам звучит тема греховности человеческой природы, порочности жизни и скорого конца света. «В 1836 г., — писал Антонов о купечестве г. Рязани, — вследствие какого-то пророчества, все здесь с ужасом и верою ждали скорого светопрествления...»⁵². Нестабильность материального и социального положения подпитывала эсхатологический характер религиозного сознания купечества.

Кроме того, коммерческая деятельность, целью которой было стяжание богатства, а средства его достижения часто шли вразрез с христианскими заповедями, уже сама по себе была грехом. Богатство, каким бы путем оно ни было нажито, в соответствии с Евангелием заграждало путь в Рай.

Сознание несправедности своей жизни и страх перед судом Божиим заставляли верующих искать пути спасения души. Регулярно посещая церковь, выполняя все необходимые церковные обряды и таинства, соблюдая посты, купцы, кроме того, старались приобрести право быть похороненными внутри церковной ограды. Они жертвовали деньги на строительство и украшение храмов, делали вклады в церкви и монастыри на помин души. Так, рязанская купчиха Е.А. Мальшина в духовном завещании распорядилась продать ее каменный дом, а вырученные средства передать в пользу пяти монастырей, на украшение приходской церкви и в Приказ общественного призрения для приращения процентами, которые ежегодно должны были поступать в приходскую церковь на помин души самой Е.А. Мальшиной и ее мужа П.А. Мальшина⁵³. Купец

А.Г. Рюмин завещал на строительство колокольни при Спасо-Преображенской церкви в Рязани более 3 тыс. руб. серебром⁵⁴. Считалось, что церковный, а еще лучше монастырский помин, мог облегчить грехи и спасти на «том свете» заблудшую душу. Даже если деньги жертвовались без условия о вечном или длительном поминании, оно все равно подразумевалось, так как в храмах и монастырях было принято поминать всех благотворителей.

Внешние проявления религиозности носили подчас демонстративный характер. Активное, деятельное проявление купечеством своих религиозных чувств было вызвано также желанием создать себе репутацию глубоко верующих, богобоязненных людей. Известно, что очень часто разного рода сделки между купцами заключались в устной форме, «на веру», без поручителей. Сторона, получавшая кредит деньгами, товаром, клялась выполнить условия договора, призывая в свидетели Господа Бога и его святых, как это имело место в упомянутом ранее деле купчихи М.М. Касцовой и ее зятя А.С. Колесникова, который давал обещания перед иконой Спасителя. Этот обычай, распространенный в XVIII и в первой половине XIX в., сохранялся, но в значительно меньших масштабах, вплоть до начала XX в.

Безнравственное, аморальное поведение осуждалось в купеческой среде не только потому, что противоречило евангельским заповедям, но и потому, что несло материальные убытки, грозило крахом всего дела. В.Д. Барков, повествуя об одном из своих бывших компаньонов, порицает его увлечение «пуншевой», которая «убаюкивала его вовсе не вовремя», и в результате порок привел к тому, что «торговое колесо» компаньона остановилось. Анна Колесникова, призывая родителей к примирению, наряду со словами о греховности разлада и призывами к спасению душ накануне конца света, пишет о материальной невыгодности тяжбы: «Я просила батюшку подать мировую бумагу и Вас прошу прекратить грехи. Если решать (доводить дело до суда. — Д.Ф., И.К.), то готовить надо денег с виноватого 2000 руб.; жалко, если придется, так луч[ш]е бы побережь на необходимости нужные, да и за бумагу 30 руб. ассигнациями»⁵⁵. Как видим, мотивировка нравственно-религиозных норм поведения в купеческой среде носила отпечаток некоторого прагматизма.

Будни и праздники. Домашний быт большинства представителей купеческого сословия отличался особым консерватизмом. Его литературной иллюстрацией может служить фрагмент поэмы Я.П. Полонского «Анна Галдина»⁵⁶, в которой нашли отражение детские и юношеские впечатления автора — уроженца Рязани, относящиеся к середине XIX в.:

Поглядите, как на горке у купцов
Много всяких огородов и садов,
Но дома их на запоре, как тюрьма,
Их светелки — это те же терема.
На дворе собаки злые, по ночам
Они с лаем припадают к воротам.
На сараях — голубятни, от ворот —
И по снегу и по грязи поворот —
Это значит, что хозяин по утрам
Ездит в церковь или в город по делам,
А в хоромы, даже там, где есть паркет,
Нет ни книги, ни картины, ни газет:
Все искусство в задних комнатах, лишь там
Есть лубочные картинки по стенам,

На лежанке с петушками изразец,
В темной нише изукрашенный ларец,
А где дети шевелятся и пищат,
Там валяется игрушечный солдат.
Тесны спальни, но кровати широки,
И горой на них лежат пуховики,
Одеяла — в клетку стеганный атлас,
Полог ситцевый, в углу иконостас —
Там желтеют складни дедов и отцов,
Блещут ризы потемневших образов;
И лампы в каждой горнице горят;
Все пропитано тут запахом лампад,
Постным маслом и лекарственной травой,
Мятным квасом и семейной тишиной.

Повседневная жизнь купеческой семьи определялась характером коммерческой деятельности: периоды разездов по ярмаркам и столичным городам для закупки товаров или их реализации чередовались с более или менее длительными периодами пребывания дома. Такие разезды были делом рискованным: существовала опасность утраты товаров, особенно для купцов, занимавшихся перевозкой грузов по воде, а в XVIII — начале XIX в. подобные поездки были просто небезопасными. Это нашло отражение в рязанском песенном фольклоре:

Эх, приведите коня мне ретивого,
Крепко держите его под уздцы.
Едут по тракту с далека, с Касимова
Муромским лесом купцы.

Эх, да из-за леса, да леса темного
Вышли два бравых молодца,
Коней остановили, червончики срубили,
А их похоронили без следа⁵⁷.

У состоятельных купцов для торговли и разъездов имелся штат *приказчиков*, лавочных *сидельцев* и прочих помощников. Однако для успеха торговли и упрочения контактов, без которых не был возможен ни кредит, ни оборот, купец должен был лично совершать деловые поездки. Нередко в дорогу отправлялось все купеческое семейство особенно, если это был выезд на Нижегородскую ярмарку. О семейных выездах в Нижний Новгород — своего рода выходах в «большой свет» — неоднократно упоминается в записках купца В.Д. Баркова⁵⁸. Во время таких поездок, помимо деловых проблем, видимо, решались и семейные вопросы, например, выбор брачной пары.

Частота, длительность и дальность разъездов зависели от рода деятельности купца и ее масштабов. Крупные торговцы, заводчики и откупщики, имевшие обширную коммерцию и широкие деловые связи, чаще других покидали пределы родного города, отправляясь на ярмарки с партиями товаров, на откупные торги в Петербург, к своим контрагентам, комиссионерам и компаньонам, с ревизией своих дел, порученных приказчикам в других городах. Купцы средней руки, особенно занимавшиеся транспортными подрядами, нередко сами участвовали в отправке грузов по рекам.

В то время, когда купец не был в отъезде, жизнь его протекала довольно монотонно: сидение в лавке в гостинном дворе и пребывание дома в кругу семьи, посещение церковных служб, иногда — визиты родных и знакомых и ответные посещения. Именно таким предстает времяпрепровождение в записях рядового рязанского купца Г.Н. Панова⁵⁹. В обычные дни он проводил большую часть дня в лавке, видимо не имея сидельца. Во время Пасхальной недели, а именно об этих днях идет речь в записках, много времени тратилось на посещение церковных служб, причем не только в своем приходском храме, но и в других городских церквях. В праздничные дни купечество особенно активно обменивалось визитами.

Развлечения, принятые и считавшиеся приличными в купеческих кругах в первой половине XIX в., не отличались разнообразием. Как пишет в записке о нравах рязанского купечества первой половины XIX в. А.В. Антонов, «старики и старушки любили временами покутить с приятелями, а удовольствия и забаву молодых людей составляли в летнее время игра в шашки, купанье и сон, а в зимнее — катанья, кулачные бои и медвежьи травли...»⁶⁰. Причем кулачные бои относились к разряду рядовых забав. О них пишет в воспоминаниях о своей жизни в Касимове Д.И. Ростиславов, отмечая, что «не прочь были поколотить других и подставить свои бока под кулаки и молодые небогатые купчики». По его словам, «солидное народонаселение», в том числе и именитые купцы, «лично не становились в ряды кулачных бойцов, но любили ободрять их и словом, и водкою, и подарками, и деньгами»⁶¹.

Купцы, особенно молодое поколение, принимали самое активное участие в забавах широкой Масленицы. Респектабельное купечество, видимо, предпочитало более «цивилизованные» развлечения. Так, в документах конца XVIII — первой половины XIX в. среди предметов интерьера упоминаются бильярдные столы (Г.В. Рюмин, П.Н. Шишкин)⁶².

Девушек в купеческих семьях держали в строгости и, как писал современник, они «никуда из домов не выходили, кроме церкви в воскресенья и сговорных вечеринок у подружек, где проводили время в разных крестьянских играх...» Значительную часть времени они посвящали женскому рукоделию: вышивке и плетению кружев⁶³.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ЛАВКА РЯЗАНСКОГО КУПЦА. РЯЗАНЬ. ФОТО 1900 Г. (АРХИВ Е.Н. КАШИРИНА)

Для низшего слоя купечества, сохранявшего связь с традиционной народной культурой, было характерно пристрастие к широко бытовавшим в народе устным рассказам, приметам и суевериям, которые приносили в их дома прислуга, разного рода странники, нищие. А.В. Антонов отмечал, что «при невежестве» этих купцов «суеверие было весьма сильно; рассказы про колдунов, порченных и летающих змеев были обыкновенны, особенно между женщинами...»⁶⁴.

По воспоминаниям того же А.В. Антонова, в первой половине XIX в. в Рязани «балов с музыкой и танцами ни у кого не бывало, кроме Живаго или Курганских». И только с середины столетия «дух цивилизации» начал проникать в рязанскую купеческую среду. Молодежь, чувствуя потребность в изменении образа жизни, думала, что «в танцах заключается все, что делает человека образованным, и прямо приняли их (танцоров. — Д.Ф., И.К.) за передовых людей своего времени... — писал А.В. Антонов. — С таким мыслями... купеческие дети, кто с позволения родителей, выпрошенного часто с горькими слезами, а кто тайком, в кухнях, трактирах и сараях, принялись разучивать кадрили и галопады — и вскоре... около 1850 года бросили в Рязани прежние игры на вечеринках, и не было, кажется, ни одного купчика, ни одной купеческой дочки, которые бы хотя галоп не танцевали...»⁶⁵. Тогда же «появились у купцов балы с музыкой и танцами, серебряные свадьбы, пролетки, коляски, даже тильбюри*, в которых по городу разъезжали дамы Мальшины и Фроловы...»⁶⁶. Видимо, рязанские купцы посещали спектакли рязанского драматического театра, не исключено, что спектакли устраивались и в некоторых частных купеческих домах, так как балльные и театральные залы упоминаются, например, в домах купцов Касцовых, Алянчиковых. На балы с духовым оркестром, устраиваемые сасовским купцом С.В. Постниковым в начале XX в., приезжал даже тамбовский губернатор.

* Тильбюри — легкий открытый двухколесный экипаж.

Особенно пышно в купеческих домах праздновались бракосочетания: в 1846 г. на свадебном ужине по случаю венчания одного из сыновей В.Д. Баркова присутствовало до 200 гостей — местных и иногородних купцов, городских чиновников⁶⁷. Да и богатые сельские купцы старались не отставать от городских собратий и устраивали свадьбы с большим числом приглашенных и с духовым оркестром.

В последней трети XIX — начале XX в. происходит заметная переориентация в образе жизни купечества: круг общения части купеческих семей все чаще составляют представители творческой и научной интеллигенции. Так, семейство рязанских купцов Шульгиных, проводя лето в дачном имении в Солотче, приглашало в гости родных и знакомых, приезжавших из Рязани и Москвы, в числе которых были оперные певцы Пироговы, владелица рязанской женской гимназии В.П. Екимецкая. Молодежь развлекалась игрой в крикет и кегли⁶⁸. Семьи интеллигенции становились объектом для подражания, вследствие чего происходил отказ от показной пышности и богатства и в определенной мере наблюдалось упрощение быта.

Свадьба купеческой дочери. Спасский у., с. Ижевское. Фото [И.С. Филатова] начала 1900-х гг. (Музей К.Э. Циолковского в с. Ижевское)

Повседневный уклад купечества в это время приобретает более открытый характер: к традиционным развлечениям добавилось посещение различных общественных клубов и собраний. Так, например, в «Касимовском семейном кружке» проходили музыкальные, танцевальные и литературные вечера, давались праздничные балы и драматические представления, устраивались выставки книг и периодики, читались лекции приглашенных специалистов «по разным наукам»⁶⁹. В Рязани аналогом касимовского кружка было Всесословное собрание, тон в котором также задавали купцы и представители местной интеллигенции⁷⁰. Купеческие клубы создавались и в других городах рязанской провинции. Жительница г. Данкова, вспоминая о нравах купцов этого города, писала: «Купечество любили проводить время

в своем купеческом клубе. Вечерами они играли в карты на крупные суммы. Была распространена среди них азартная игра „в железку“. По слухам отдельные купцы проигрывали тысячи рублей. Вместе с ними играли в карты помещики. В клубе бывали спектакли, танцы. На них могли попасть члены клуба с их членами семей»⁷¹.

Появились новые модные занятия и увлечения для молодого поколения: сыновья владельца музыкального магазина С. Кессельмана играли в теннис, прекрасно пели и музицировали в кругу друзей, а сын купца А. Гаврилова увлекался фотографией⁷². Дети купцов участвовали в самодеятельных театральных постановках, концертах, спортивных играх и соревнованиях.

Для второй половины XIX в. был характерен выход купечества за пределы узкосословного культурного пространства, ограниченного привычными ценностями. Расширение кругозора, появление новых интересов было, с одной стороны, следствием изменения общественной ситуации в России после реформ 1860–1870-х гг., а с другой — результатом распространения в купеческой среде образования. В этот период среди рязанских купцов все больше появляется людей, которых привлекали творческий труд, наука, искусство. Для подавляющего большинства такие занятия были увлечением, в котором они иногда достигали успехов и даже популярности. Известностью в качестве поэта, баснописца и драматурга пользовался выходец из рязанской купеческой среды А.В. Антонов. Сюжеты басен Антонова — незамысловаты, бесхитростны, в них прочитывается явное подражание Крылову. Сочинения А.В. Антонова, прохладно оцененные литературной критикой, тем не менее пользовались известностью, а сборники его басен выдержали шесть изданий и были рекомендованы Министерством народного просвещения для библиотек народных школ и народных училищ⁷³. Известно, что пьеса Антонова «Конец делу венец», посвященная освобождению крестьян, была поставлена на сцене рязанского драматического театра. По свидетельству очевидцев, «играли очень плохо, но автора вызывали более четырех раз и поздравляли в ложе „с успехом“ под предводительством градского головы многие именитые граждане»⁷⁴. Кроме литературного творчества, А.В. Антонов увлекался коллекционированием предметов старины, пытался проводить археологические раскопки, был деятельным членом Рязанской ученой архивной комиссии.

Археологией увлекался и сын спасского купца Д.П. Тихомиров, который в 1830-е гг. одним из первых произвел археологические раскопки на Старорязанском городище и впоследствии опубликовал материалы своих исследований. При чем помощь в этом начинании Тихомирову оказали самые влиятельные представители спасского купечества — Т. Мелешкин, О. Цыплаков и зарайский купец А. Бахрушин⁷⁵. В Касимове в первой половине XIX в. был хорошо известен как большой знаток истории и первый местный историк, выходец из купеческой семьи И.С. Гагин. Соборный староста зарайского кафедрального собора купец К.И. Аверин собирал древние рукописи, на свои средства поставил памятник на кургане, насыпанном на месте «битвы с литовцами»⁷⁶. Городской голова Данкова купец 2-й гильдии В.И. Ермаков подготовил и опубликовал в губернских ведомостях исследование по истории родного города.

Некоторые купцы занимались поисками своих корней⁷⁷. Обращение к собственным родословиям, видимо, следует рассматривать и как попытку самоидентификации, и как свидетельство осознания купечеством собственной общественной роли и значимости.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. С конца XVIII в. купцов стали избирать в городские присутственные места: думу, магистрат, сиротский суд, а в конце XIX в. этот перечень пополнили земские учреждения. Работа в присутственных местах занимала много времени. Заседания проходили ежедневно, исключая субботние, воскресные и праздничные дни. Начинались они в «8-м часу пополудни» и заканчивались в 12-м часу. Хотя в целом купечество рассматривало службу как дополнительное бремя, материалы судебных учреждений Рязани показывают, что они аккуратно посещали заседания⁷⁸. Единственной должностью, которую купцы занимали охотно, была, пожалуй, должность церковного старосты, хотя она была и ответственной, и требовала немалых материальных затрат. В этом случае общественное служение воспринималось как дело богоугодное и душевспасительное.

Часть купечества, прежде всего богатая верхушка, активно занималась благотворительной деятельностью. Для некоторых это занятие превращалось в семейную традицию, которая передавалась из поколения в поколение. Купеческую благотворительность, очевидно, следует рассматривать как особую форму служения обществу, которую представители торгово-промышленного мира добровольно приняли на себя. Наиболее активной части сословия она предоставляла возможность реализовать свои потребности в общественной деятельности в ситуации, когда большинство иных видов социальной активности были для купечества практически недоступны. Кроме того, она позволяла сгладить разлад между православной этикой с ее идеей нестяжания богатства и смыслом купеческой деятельности, состоявшим в преумножении материальных благ.

Степень участия в благотворительных акциях зависела не только от величины состояния, но и от воспитания, индивидуальных качеств человека. Среди купеческих семей на этом поприще выделялись Антоновы, Живаго, Масленниковы в Рязани, Бахрушины в Зарайске, Бардыгины в Егорьевске, Баранаевы, Вереины, Наставины, Умновы, Шанины в Касимове. Нередко пожертвования поступали от «неизвестных», которые, следуя евангельской традиции «тайной милостыни», не сообщали свое имя.

Формы благотворительности были весьма разнообразны: пожертвование на строительство и украшение храмов, преобладавшее в XVIII–XIX вв.; сбор средств на общественные нужды, завещания в пользу конкретных учреждений или городского общества, содержание богаделен; организация зрелищных мероприятий в благотворительных целях, пожертвование именных капиталов. Целевое назначение именного капитала определялось вкладчиком. Это могла быть поддержка богоугодных заведений, именные стипендии, выдача приданого девицам из бедных семей и др. В духовных завещаниях, наряду с пожертвованием на храмы и монастыри, нередко содержатся указания о пожертвовании средств в пользу благотворительных заведений и на общественно полезные цели. Например, касимовец Ф.М. Обухов в 1915 г. завещал на благотворительные цели 16 тыс. руб., которые предназначались касимовскому Попечительству о бедных, богадельне и приюту Шаниных, богадельне и детскому приюту Бараневых. Особая сумма была определена на учреждение стипендии «имени Ф.М. Обухова при касимовской городской мужской гимназии для бедных способных учеников». По воле завещателя все имущество, товары, деньги, которые останутся после выдачи доли наследникам, поступали в распоряжение его душеприказчиков «для употребления на дела благотворительности». В сумме пожертвование составило 34 тыс. руб.⁷⁹

Частный купеческий капитал играл важную роль в создании системы социального обеспечения малоимущих слоев населения, в частности детей-сирот и престарелых. С этой целью создавались богоугодные заведения, иногда получавшие названия по фамилии основателей. Одним из первых (в 1806 г.) основал в Рязани именную богадельню, обеспечив капиталом ее существование на протяжении многих десятилетий, бывший рязанский купец П.А. Мальшин. Мальшинская богадельня просуществовала до октября 1917 г.

Процесс создания фамильных богоугодных заведений особенно активно шел во второй половине XIX — начале XX в. Фамильные богадельни были открыты в Зарайске (Бахрушины), Егорьевске (Хлудовы), Рязани (М.Е. Попов), Касимове (бр. Шанины, бр. Бараневы). Целая система учреждений социального обеспечения была создана в Рязани стараниями семьи Живаго⁸⁰.

В числе обычных благотворительных акций был сбор средств в помощь жителям городов, пострадавшим от пожаров, помощь голодающим в неурожайные годы. Только в 1830-х гг. касимовское купечество как минимум четыре раза участвовало в акциях помощи погорельцам⁸¹. Данковский купец В.А. Ермаков был председателем городского комитета погорельцев. Его помощь пострадавшим от пожаров не ограничивалась бесплатной раздачей провианта и посуды; он лично участвовал в тушении пожаров в соседних с городом селениях и спасении людей, за что удостоился награды⁸².

В 1841 г., во время значительного роста цен на хлеб в результате неурожая, касимовские хлеботорговцы С.Т. Колобаев и И.Е. Слетов, «будучи движимы чувствами сострадания

к бедным», снизили цены на хлеб в городе и уезде, ввезя туда дополнительное количество зерна. В течение всего лета купцы продавали хлеб по закупочной цене. Учитывая масштаб хлебных цен в губернии в тот год, их пожертвования в денежном выражении составили 50 тыс. руб. Кроме того, упомянутые купцы участвовали в сборе денег и «составлении капитала» для закупки хлеба и продажи его по низким ценам малоимущим горожанам, пожертвовав на эти цели 1500 руб. Поступок Колобаева и Слетова был отмечен властями: касимовская администрация ходатайствовала о награждении их золотыми медалями на Анненской ленте⁸³.

В конце XIX в. купеческая благотворительность охватывает и городское коммунальное хозяйство. Так, касимовский городской голова Н.М. Наставин пожертвовал 50 тыс. руб. на строительство в городе водопровода⁸⁴. Данковский городской голова В.И. Ермаков занимался благоустройством родного города за свой счет: он оборудовал спуски к реке, строил мосты, выкопал пруд и т.д.

Одной из форм проявления купеческого патриотизма были пожертвования на военные нужды. Участие в кампаниях по сбору средств в помощь армии становилось особенно активным при возникновении непосредственной угрозы безопасности Отечества. В 1812 г. по всей губернии был проведен сбор купеческих пожертвований на военные нужды⁸⁵.

Несмотря на консерватизм, свойственный купеческому быту, на протяжении XIX в. он претерпел заметные изменения. Наряду с сохранением черт традиционной бытовой культуры, присущей в большей степени рядовому купечеству, быт верхушки сословия эволюционировал в направлении европеизированной культуры. Размывание сословных традиций, начавшееся в российском обществе в пореформенную эпоху, привело к ослаблению определенной бытовой замкнутости купечества, характерной для первой половины XIX столетия. На смену тенденции аристократизации купеческого быта, характерной для первой половины XIX в., приходит сближение части сословия с интеллигенцией. Последнее во многом было обусловлено распространением образования и секуляризацией религиозного сознания. К концу столетия неотъемлемой составляющей общественного быта купечества становится широкое распространение благотворительности, приобретающей разнообразные формы и направленность. Вместе с тем отмеченные тенденции касались преимущественно верхушки сословия; быт же средних и мелких слоев купечества во многом был схож с бытом средних городских слоев и богатого крестьянства.

Купечество как сословие перестало существовать после принятия Декрета ВЦИК и СНК от 11 (24) ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»⁸⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Рындзюнский П.Г. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население // Общество и государство феодальной России. М., 1975; Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города второй половины XVIII в. М., 1967.
- 2 [Баранович М.С.] Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1860. Т. 19. С. 143; Кусова И.Г. Рязанское купечество. Очерки истории XVI — начала XX века. Рязань, 1996. С. 36; Филиппов Д.Ю. Купечество города Касимова конца XVIII — начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998. С. 45.
- 3 [Баранович М.С.] Указ. соч. С. 142–144.
- 4 Анализ состава купеческих семей Рязани дается по: ГАРО. Ф. 129. Оп. 162. Д. 4. Гильдейский список купцов г. Рязани на 1880 г.; Там же. Оп. 388. Д. 526. Гильдейский список купцов г. Рязани на 1913 г.
- 5 Там же. Ф. 4. Оп. 21. Д. 81. Л. 7; ф. 637. Оп. 31. Д. 223. Л. 76–89; ф. 920. Оп. 1. Д. 509. Л. 235 об.–236.
- 6 Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1685. Л. 3 об.–4; ф. 637. Оп. 18. Д. 117. Л. 2. См. также: Филиппов Д.Ю. П.А. Мальшин и застройка Рязани рубежа XVIII–XIX веков // Третьи Яхонтовские чтения. Материалы научно-практической конф. Рязань, 12–15 октября 2004 года. Рязань, 2005. С. 441–453.

- 7 Столица и усадьба. Журнал красивой жизни. 1914. № 18.
- 8 ГАРО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4930. Л. 3 об.
- 9 Кассиль С.Г. Материалы к изучению г. Рязани в медико-топографическом и статистическом отношении. Дис. ... д-ра мед. Рязань, 1909. С. 98.
- 10 См.: Филиппов Д.Ю. Купеческий дом: роль и место в частном и общественном быту // Первые Яхонтовские чтения.... Рязань, 21–22 декабря 2000 года. Рязань, 2001. С. 106–110.
- 11 ГАРО. Ф. 651. Оп. 1. Д. 98. Л. 18, 19; ф. 637. Оп. 13. Д. 74. Л. 1–3.
- 12 См.: Филиппов Д.Ю. Купеческий дом... С. 106–110.
- 13 Баранович М.С. Статистическое описание Рязанской губернии // РГВ. 1859. № 50. С. 326 (Неофиц. часть).
- 14 ГАРО. Ф. 741. Оп. 1. Д. 112. Л. 647–650; ф. 651. Оп. 1. Д. 327. Л. 144–146.
- 15 Там же. Ф. 651. Оп. 1. Д. 51. Л. 53.
- 16 Там же. Д. 327. Л. 103 об.–104.
- 17 См.: Очерки русской культуры XVIII в. М., 1990. Ч. IV. С. 271.
- 18 ГАРО. Ф. 651. Оп. 1. Д. 51. Л. 54 об.
- 19 Вагнер Г.К. Старые художники и архитекторы Рязани. Рязань, 1960. С. 55.
- 20 Опись имущества купчихи А.А. Алянчиковой, 1829 г. // ГАРО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 811. Л. 87 об.
- 21 Дударева В.А. Старый Касимов // НА РИАМЗ. Д. 1168. Л. 10–11.
- 22 [Ростиславов Д.И.] Записки Д.И. Ростиславова, профессора Санкт-Петербургской духовной академии // Русская старина. 1888. Т. 59. С. 82.
- 23 Антонов А.В. Записка [о рязанском купечестве] // ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 147.
- 24 ГАРО. Ф. 651. Оп. 1. Д. 51. Л. 4 об.–5.
- 25 Там же. Ф. 869. Оп. 1. Д. 147.
- 26 Там же. Ф. 651. Оп. 1. Д. 51. Л. 56.
- 27 Там же. Д. 128. Л. 35–36; Д. 163. Л. 35.
- 28 Кусова И.Г. Рязанское купечество...; Филиппов Д.Ю. Купечество города Касимова...
- 29 [Баранович М.] Рязанская губерния... С. 457.
- 30 Кусова И.Г. Рязанское купечество... С. 111.
- 31 Она же. Купеческие семьи Рязани начала XX века // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Материалы VI науч. конф., Липецк, 21–22 апреля 1998 г. Липецк, 1998. С. 121.
- 32 ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 191. Л. 658.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же. Ф. 651. Оп. 1. Д. 150. Л. 18.
- 36 Там же. Д. 98. Л. 106.
- 37 Там же. Ф. 637. Оп. 31. Д. 223. Л. 118 об.–121.
- 38 Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1764.
- 39 Там же. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484. Л. 1 об.
- 40 Там же. Ф. 651. Оп. 1. Д. 136. Л. 47 об.
- 41 Дударева В.А. Указ. соч.
- 42 Воздвиженский Я.Т. Историческое обозрение Рязанской губернии. М., 1822. С. 342.
- 43 Попов И.П. Очерки истории культуры Рязанского края (XV–XX вв.). Рязань, 1994. С. 40.
- 44 Рындзюнский П.Г. Городское гражданство в дореформенной России. М., 1958. С. 405.
- 45 Цит. по: Повалишин А.Д. Состояние Рязанской губернии в половине XIX столетия (1848–1873 гг.) // Труды РУАК. Рязань, 1895. Т. X. Вып. 2. С. 219.
- 46 В 1806 г. была проведена реформа системы народных училищ, и в уездных городах на базе малых народных училищ были организованы уездные и приходские училища. Подсчитано по: ГАРО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 14; Д. 5. Л. 4 об.–5.
- 47 Отчет профессора Московского университета А.А. Прокопович-Антонского о визитации училищ Рязанской губернии в 1805 г. // Труды РУАК. 1888. Т. III. Вып. 3. С. 47.
- 48 [Ростиславов Д.И.] Указ. соч. С. 82.
- 49 РГАДА. Ф. 1397. Оп. 1. Д. 449. Л. 16; ГАРО. Ф. 651. Оп. 1. Д. 327. Л. 103 об.–104; ф. 46. Оп. 1. Д. 2135. (Журнал заседаний касимовской городской думы от 21 января 1874 г.).
- 50 Кусова И.Г. Попечители Рязанской публичной библиотеки (1850–1860 годы) // М.Е. Салтыков-Щедрин и Рязанский край. Материалы конф. Рязань, 1995. С. 15.
- 51 Филиппов Д.Ю. Личность купца В.Д. Баркова по материалам автобиографических записок // Чтения по истории и культуре Древней и Новой России. Материалы конф. 7–9 октября 1998. Ярославль, 1998. С. 176–180.
- 52 Антонов А.В. Указ. соч.
- 53 ГАРО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 1152. Л. 1–2.
- 54 Там же. Ф. 627. Оп. 117. Д. 78. Л. 1.
- 55 Там же. Ф. 637. Оп. 31. Д. 223. Л. 118 об.–121.
- 56 Полонский Я.П. Полн. собр. стихотворений. В 5-ти томах. СПб., 1896. Т. 5. С. 328–404.
- 57 Первое четверостишие — это переделанные строки из повести в стихах А. Вельтмана «Муромские леса». М., 1831. С. 23.

- 58 [Барков В.Д.] История Василия Дмитриевича Баркова, потомственного почетного гражданина. СПб., 1902.
- 59 ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484.
- 60 Там же. Д. 147.
- 61 [Ростиславов Д.И.] Указ. соч. С. 84, 85.
- 62 ГАРО. Ф. 656. Оп. 2. Д. 219. Св. 10. Л. 2; ф. 651. Оп. 1. Д. 327. Л. 103 об.—104.
- 63 Там же. Ф. 637. Оп. 31. Д. 223. Л. 120 об.
- 64 Там же. Ф. 869. Оп. 1. Д. 147.
- 65 Там же.
- 66 Там же.
- 67 [Барков В.Д.] Указ. соч. С. 149.
- 68 Шульгин В.Н. Воспоминания детства. Автобиографическая повесть. Рукопись // ГАРО. Ф. Р-4429. Оп. 1. Д. 177. Л. 125.
- 69 ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 2061. Л. 1–27.
- 70 Свенцицкий Е.Н. Полстолетия тому назад. Воспоминания о Рязани и рязанской 2-й гимназии. 1903–1910. Рукопись // НА РИАМЗ. Д. 2444.
- 71 Компачева Н.Е. Воспоминания о жизни купцов в Данкове. Рукопись // Данковский краеведческий музей.
- 72 ГАРО. Ф. Р-4429. Оп. 1. Д. 177. Л. 125.
- 73 Кусова И.Г. Предприниматели и коллекционеры Антоновы // Труды РИАМЗ. Сб. статей. Рязань, 1998. С. 115; Синельникова Т.П. Антонов Александр Васильевич // Рязанская энциклопедия. Рязань, 1999. Т. 1. С. 69.
- 74 Самойлова И.П. Владельческие записи как источник при изучении культурной жизни общества // Первые Яхонтовские чтения... С. 177–178.
- 75 Кусова И.Г. Рязанское купечество... С. 95.
- 76 Калайдович К. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823. С. 45.
- 77 Родословным древом рода Барковых заканчивается «История Баркова». Рязанский купец Н.М. Крюков составил родословное древо рода Крюковых, в котором зафиксированы 29 представителей рода, начиная с середины XVI в. и заканчивая XIX в. (См.: РИАМЗ. Книга поступлений. № 5039).
- 78 Кусова И.Г. Общественный быт Рязани первой четверти XIX века (По материалам городского сиротского суда) // Чтения по истории и культуре Древней и Новой России... С. 187.
- 79 ГАРО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1170. Л. 1–33.
- 80 Кусова И.Г. Род Живаго // История рода Живаго. Рязань, 1994; Чикваркина Г.Н. История Банка Живаго // Там же.
- 81 ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 369. Л. 12–12 об; д. 512. Л. 10, 28; д. 469. Л. 13.
- 82 Очерк деятельности городского головы г. Данкова Рязанской губ. 2-й гильдии купца Ермакова В.И. СПб., 1864.
- 83 ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3021. Л. 1–2.
- 84 Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 885. Л. 31, 38.
- 85 Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 151. Л. 33–36; д. 233. Л. 210.
- 86 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 72.